

А. Н. Куклин (*Йошкар-Ола*)

**К проблеме таксономии и кодификации терминов
*би- и монолингвизм***

1. Теоретический аспект. Термин “билингвизм (двуязычие)” в лингвистической литературе имеет довольно многочисленные и даже противоречивые определения. Так, в “Словаре лингвистических терминов” О. С. Ахмановой (М., 1966. С. 67, 125) объяснение содержания этого термина базируется на нечетком понимании природы билингвизма. По ее мнению, под билингвизмом следует понимать “одинаковое совершенное владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, например, родным диалектом и литературным языком”. Совершенно очевидно, что в этом определении в одно смыкаются два понятия: двуязычие и диглоссия. Впрочем, если учесть становление литературного языка на основе одного из диалектов какого-то языка, то нетрудно понять, что они являются разновидностью одного общенародного языка. Основу литературного языка, как правило, составляет диалект политического, экономического, культурного и религиозного центра той или иной страны. Так, русский литературный язык складывался на основе московского диалекта и прилегающих к нему говоров, французский – парижского, английский – лондонского, китайский – пекинского, японский – токийского. Марийский литературный язык складывался на основе моркинско-сернурского говора, хотя главный политический, экономический и культурный центр Марийского края находится на территории распространения йошкарولينского говора.

Отсюда становится ясно, что взаимодействие различных подсистем одного языка (литературного и диалектов) следует характеризовать как диглоссия, одинаково свободное владение двумя (родственными или неродственными) языками следует именовать термином двуязычие или билингвизм. Эти два понятия следует различать подобно тому, как в языкознании различаются лексические заимствования и лексические проникновения или в

этнографии этнические карты (карты языков) и этнографические карты (лингвистические карты).

Марийское население, как правило, не ограничивается знанием лишь родного языка, оно в той или иной степени приобщается ко второму – русскому языку, а часть из них, например, представители Мари-Турекского и Параньгинского районов – даже к удмуртскому и татарскому. Следовательно, в марийской среде существует билингвизм, а у отдельных лиц – полилингвизм. Поэтому представителя марийской национальности, способного употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, можно назвать билингвом. Русское население республики, за исключением преподавателей иностранных языков и отдельных лиц, работающих в области культурологии, пользуется только одной языковой системой, только родным языком. Они являются монолингвами Республики Марий Эл.

В специальных статьях неоднократно отмечалось о терминологической неупорядоченности билингвологической теории, вследствие чего многие принципиальные вопросы типологии двуязычия по сей день не получили сколько-нибудь общепринятого решения.

2. Социолингвистический аспект. В исследованиях последних лет, касающихся проблем билингвизма, затрагиваются способы распространения двуязычия. Так, М. М. Михайлов в статье “О разновидностях двуязычия” (в сборнике “Двуязычие и контрастивная грамматика” (Чебоксары, 1987) совершенно правильно различает добровольно изученный и насильственно навязанный типы двуязычия: первый тип по его мнению, характерен для многонациональных социалистических стран (СССР, СФРЮ, КНР), в которых в условиях политического и фактического равноправия наций идёт процесс беспрепятственного развития и совершенствования – в основном благодаря взаимовлиянию и взаимообогащению всех больших и малых языков; второй тип – для США, Пакистана и Ирана, где наблюдается дискриминация малочисленных народов и вытеснение их языков из всех сфер общественной жизни.

Однако в порядке уточнения высказывания М. М. Михайлова следует отметить, что второй тип двуязычия до недавнего времени был характерен и для нашей страны. Языки малочисленных народов постепенно вытеснялись из всех сфер общественной жизни, они во многих республиках, автономных округах перестали

являться языком образования своей нации. Так, в Марийской АССР несколько десятков марийских школ в своё время было переведено на русский язык обучения начиная с первого класса. Перевод был осуществлен на основе беспочвенной гипотезы вопреки психолингвистическим установкам в соответствии с директивами сверху. В марийских школах Свердловской области до 1960-х годов родной язык и литература преподавались как предмет, позже же местные руководители в силу ряда причин, главным образом субъективного характера, исключили их из системы школьного обучения. Марийское население Кировской и Нижегородской областей вообще не имело и в настоящее время в большинстве районов не имеет возможности изучать свой язык и литературу. Наблюдение за развитием обучения марийскому языку в течение последних 35 лет свидетельствует, что изучение подрастающим поколением своего родного языка постоянно регрессировало. Исходя из сказанного выше, естественно придти к выводу, что принижение или ущемление роли родного языка препятствует овладению теми культурными ценностями, которые накапливались марийским народом в течение многих веков. Необходимо подчеркнуть вместе с тем, что язык является хранителем национально-своеобразной культуры, именно с его помощью культура наследуется новыми поколениями людей определенной национальности. Причём под термином культура следует понимать не только богатства национальной литературы и искусства, но и традиции человеческого общежития, обряды, обычаи, общепринятые формы повседневной деятельности, т. е. все национальные формы материальной и духовной культуры.

Всё это в конечном счёте стало результатом политики социального давления на существование языков малочисленных народов, проводимой КПСС с целью создания новой исторической, социальной и интернациональной общности людей – единого советского народа с единым языком межнационального общения, необходимое следствие которой – создание межнационального, многоязычного общества. Для этого вполне достаточно наличие одностороннего – национально-русского двуязычия. Импульсами же для ускорения этого процесса должны быть урбанизированность населения, миграция малочисленных народов в другие регионы страны и иные факторы экстралингвистического характера.

Современные этнополитические процессы в России также крайне противоречивы, неустойчивы, они чреватые новыми кон-

фликтами и осложнениями межнациональных отношений. Российские политические силы в настоящее время стараются игнорировать права коренных народов на политическое самоопределение на их исконных территориях. Поэтому вопрос о языках малочисленных народов является не столько лингвистическим, а сколько политическим.

Касаясь этой проблемы профессор Московского университета М. К. Любавский в своей книге "Историческая география России в связи с колонизацией" (Москва, 1909) отметил, что обрусение инородцев уже в XVI веке считалось делом очевидным и решённым. Немаловажным аргументом в пользу этого утверждения можно считать исчезновение волжско-финских языков мери, муромы и мещеры как следствие славянской ассимиляции. Вероятно, не требуются другие экскурсы диахронического порядка для подтверждения исторически сложившейся ситуации. Поэтому имеется достаточно оснований считать, что мерой научности социолингвистического анализа билингвологической теории должен быть историзм. В этой связи уместно привести замечание французского лингвиста А. Мейе, заявившего, что "тот, кто ищет настоящего объяснения, не имеет более права изолировать новые периоды от древних, так же как мы не имеем права объяснять современность исходя из неё самой и пренебрегая прошлым" (*Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926. P. 10*).